

Торстейн Веблен и его книга «Теория праздного класса»

© С. Сорокина

Автор книги «Теория праздного класса» Торстейн Веблен, крупный американский экономист и социолог, является основоположником одного из главных направлений современной буржуазной политической экономии — институционализма. Это направление возникло на рубеже XIX и XX вв. в ведущей капиталистической стране, США, в период вступления американского капитализма в стадию империализма. Довольно большое распространение институционализм получил уже в 20-е годы нашего столетия. Представителями раннего институционализма, помимо его создателя Т. Веблена, были американские экономисты У. Митчелл, Дж. Коммонс, А. Берли, Э. Богарт, У. Гамильтон, Г. Минз, Р. Тагвелл.

В эволюции американского институционализма с точки зрения его значимости в буржуазной экономической науке можно наметить такую периодизацию: в 20-30-е годы наблюдалось широкое распространение институционализма; в 40-50-е — уменьшение его влияния (хотя и в эти годы такие представители этого учения, как А. Берли, Г. Минз, Дж. М. Кларк, А. Лоув, К. Эйрес, опубликовали ряд работ, развивая собственные концепции); начиная с середины 60-х годов и по настоящее время отмечается усиление влияния институционализма и увеличение интереса к нему.

Представители современного институционализма, или неoinституционализма, — это известные американские буржуазные ученые Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, У. Росту, О. Тоффлер, Р. Хейлброиер, шведский экономист Г. Мюрдаль, французский экономист Ф. Перру и многие другие. С 1965 г. в США функционирует специальная ассоциация институционалистов, имеющая собственный печатный орган. В буржуазной литературе 70-х годов появились крупные исследования об институционализме. Достаточно назвать, например, монографии видного американского экономиста А. Гручи «Неоинституционализм и его вклад в современную экономическую мысль», известного английского исследователя Д. Секлера «Торстейн Веблен и институционалисты»^[1] наглядно свидетельствующие о масштабах влияния данного направления буржуазной экономической науки. В 1978 г. в Нью-Йорке состоялся симпозиум американских экономистов и социологов, специально посвященный перспективам развития институциональной экономической теории.

Термин «институционализм» связан с двумя понятиями: «институция» — установление, обычай, порядок, принятый в обществе, и «институт» — закрепление обычаев и порядков в виде закона или учреждения. Разделение этих понятий достаточно условно, так как в концепциях институционалистов они имеют чрезвычайно широкое и размытое содержание. Теоретик институционализма У. Гамильтон дает следующее определение: «Институты — это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособляем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов»^[2].

Практически идеологи институционализма относили к институтам как категории политической и правовой надстройки общества, так и экономические явления — государство, семью, нравы, предпринимательство, частную собственность, систему денежного обращения, кредит и многое другое. По существу, концепция «института» выступает как вспомогательный инструмент. Введение этого термина лишь отразило характерное для идеологов данного направления стремление изучить неэкономические явления. Впоследствии термин «институт» утратил свою ключевую роль, в известной мере сохранив свое значение в качестве указания на этимологическую основу названия направления в целом.

Скрывающаяся за терминологией институционалистов концептуальная неопределенность связана с аморфностью теоретических предпосылок идеологов институционализма. Это создает некоторые трудности при анализе и не позволяет установить, жесткие границы институционализма как течения. Он никогда не был однородным направлением, представители которого были бы объединены достаточно узким кругом идей. Напротив, его теоретики выступали с широким диапазоном гипотез, оценок, мнений по вопросам не только экономическим, но и правовым, философским, историческим, социологическим, психологическим и пр. Тайной в истории экономической мысли называет институционализм Д. Секлер, подчеркивая, что именно стремление раскрыть «секрет направления», найти «тайну институционализма» и движет им в его исследовании^[3]. Кажущаяся таинственность институционализма — это, на наш взгляд, лишь отражение эклектичности данного направления, вобравшего в себя сложный набор концепций.

Институционалисты осуществили необоснованное расширение предмета политической экономии за счет привлечения многих дисциплин; они пытались придать экономической науке междисциплинарный характер. Своеобразие институционализма состоит также и в том, что одновременно было разработано несколько направлений вульгаризации буржуазной политэкономии.

Появление институционализма отразило противоречивые тенденции, существовавшие в буржуазной политэкономии. Институционализм при его чрезвычайной сложности явился двойственным направлением: институционалисты предъявили серьезные требования к экономической науке и не сумели их реализовать, стремились найти выход из кризиса буржуазной политэкономии и одновременно углубляли этот кризис.

Вместе с тем возникновение институционализма — важная веха в истории развития буржуазной политической экономии. Практическая направленность институционализма, характерное для институционалистов стремление к реалистическому описанию социально-экономических процессов были восприняты в дальнейшем многими буржуазными экономистами. В советской «Экономической энциклопедии» ранний институционализм расценивается как один из «ближайших и важнейших предшественников кейнсианства»

В буржуазной литературе Т. Веблену отводится видная роль в развитии американской буржуазной политэкономии. Особенно высоко расценивается роль Т. Веблена в создании ее институционального направления. Действительно, в его работах были впервые сформулированы важнейшие положения институционализма. Именно идеи Т. Веблена в значительной степени определили и дальнейшую эволюцию этого направления. Анализ его работ, необходим для выявления идейных корней современного институционализма и для всесторонней критики этого течения буржуазной политэкономии.

Главный идеолог американского институционализма Торстейн Веблен — автор ряда фундаментальных экономических и социологических трудов. Наибольший интерес представляют следующие его работы: «Теория праздного класса. Институциональная экономика», «Теория делового предпринимательства», «Инстинкт мастерства и уровень развития технологии производства», «Крупные предприниматели и простой человек», «Инженеры и система ценностей», «Абсентеистская собственность и предпринимательство в новое время. Американский вариант»^[4]. В два сборника, «В мире происходящих перемен» и «Место науки в современной цивилизации и другие очерки» (издан посмертно), вошли основные статьи Веблена, написанные в разные годы его творчества^[5]. У. Митчелл, ученик и последователь Т. Веблена, подготовил в последние годы жизни учителя подборку извлечений из его книг и статей^[6].

Основные работы Веблена неоднократно переиздавались в США. Его биография наиболее подробно излагается в книге Дж. Дорфмана «Торстейн Веблен и его Америка»^[7]. Отметим, что до настоящего времени ни одна из работ Т. Веблена еще не была переведена на русский язык.

Родители Веблена, Томас Веблен и его жена Кэри, эмигрировали из Норвегии в США в конце 40-х годов прошлого столетия. Некоторое время Томас Веблен был фабричным рабочим, потом — плотником, а накопив определенную сумму денег, купил ферму и обосновался в норвежском поселении Като. На этой ферме 30 июля 1857 г. и родился шестой ребенок в семье Торстейн, Бунде Веблен.

Образ жизни семьи Вебленов полностью подчинялся традициям норвежских земледельцев: бревенчатый дом с примыкающей пристройкой для скота, домашнее изготовление основных продуктов питания (кофе и сахар — недоступная роскошь!), простая одежда, тоже сделанная дома.

В 1865 г., когда Торстейну было восемь лет, семья переехала в местечко Уиллинг, где отец Веблена первым в округе купил для своей фермы молотилку, посадил фруктовый сад, занялся пчеловодством.

В 1874 г., в возрасте семнадцати лет, Торстейн поступает в Карлтонский колледж в Нортфилде. Колледж был религиозного направления, воспитывал миссионеров. Чтобы не платить за содержание детей, отец Торстейна купил маленький участок, примыкавший к территории колледжа, построил на нем домик, куда регулярно доставлялась провизия с фермы. Такое обособление, домотканая одежда и отсутствие городских манер в поведении вызвали презрительное отношение к детям Вебленов со стороны одноклассников. В колледже Т. Веблен провел шесть лет. Преподаватели его не любили за высокомерие и замкнутость. Исключение составлял профессор политэкономии Джон Кларк, который уделял своему ученику большое внимание и рекомендовал ему заниматься научными исследованиями. Из рефератов Веблена, написанных в период обучения в колледже, следует отметить два: экономический прогноз «Цена на пшеницу в пятилетней перспективе» и трактат по философии Дж. Милля. В колледже начался роман с его будущей женой Эллен Рольф, племянницей президента колледжа. У Торстейна и Эллен было безусловное духовное родство, общность интеллектуальных интересов.

Веблен закончил колледж на год раньше срока, сдав экзамены экстерном. В 1880 г. после окончания колледжа Т. Веблен получил место учителя в штате Мэдисон, но через год учебное заведение закрылось, он оказался без работы и поселился на ферме у отца. Спустя год он поступает вместе со своим старшим братом Эндрю в Университет Гопкинса, где изучает философию и политическую экономию. Вскоре после поступления в университет

им была написана работа «Теория обложения земельными налогами у Дж. Ст. Милля». В Университете Гопкинса Веблен проучился лишь неполный семестр, так как не получил ожидаемую стипендию. Его отец берет для него заем в банке, и он поступает в Йельский университет. Существование Веблена в этот период самое скромное, на одежду нет денег, долги...

В течение двух с половиной лет пребывания Веблена в Йельском университете он занимается учением об эволюции, участвует в диспутах вокруг этого учения и пишет диссертацию «Этические основания доктрины воздаяния». Диссертация базировалась на работах Спенсера и Канта. В 1884 г. был объявлен конкурс на лучшую работу по «истории и теории распределения национального бюджета среди американских штатов». Остро нуждающийся в деньгах Веблен пишет такую работу и получает премию. В том же, 1884 г. Веблен получает за свою диссертацию ученую степень доктора философии и начинает поиски работы. Хотя у него имелись серьезная поддержка (письменные рекомендации проф. Кларка и проф. Йельского университета Портера), степень доктора философии, а также статьи в философских журналах, работы он не нашел. Преподаватели философии набирались из числа богословов. Для норвежца, и притом подозреваемого в приверженности теории эволюции, нигде не нашлось места. Веблен был вынужден опять вернуться на ферму к отцу. Там он подрабатывал литературным поденщиком в газетах и журналах, писал, по его словам, «опытные статьи», которые нигде не публиковались, занимался даже изобретательством в области сельскохозяйственной техники.

В 1888 г. состоялась свадьба Веблена с Эллен Рольф. После свадьбы они поселились на ферме отца Эллен, где Веблен занимался теорией единого налогообложения и сделал перевод исландской саги, которой он заинтересовался в связи с описанием позднесредневековых и раннехристианских обычаев среди германских народностей. Вообще он занимался в этот период жизни германской филологией, классическими языками и историей, увлекался ботаникой.

После очередных неудачных попыток получить место Веблен, уже в возрасте тридцати трех лет, был принят в Корнельский университет «для работы по соисканию ученой степени». Отделением экономики университета ведал Дж. Л. Лафлин, последователь Дж. Ст. Милля. Напечатанная в ежеквартальном экономическом журнале статья «Некоторые оставляемые без внимания вопросы теории социализма» обеспечила Веблену научную стипендию в размере 400 долл.

Осенью 1891 г. Лафлин был назначен заведующим кафедрой экономики в открывшемся Чикагском университете и устроил там Веблена с весьма скромным окладом 520 долл в год. Чикагский университет, в официальном названии которого значилось «основан Джоном Д. Рокфеллером», сразу стал заведением ультраконсервативным. В университете царил атмосфера «диктаторства президента» (ректора). Все реакционные и консервативные черты системы высшего образования, обрисованные Вебленом в «Теории праздного класса» и позже, в 1918 г., в работе «Высшее образование в Америке», были широко представлены в Чикагском университете.

В годы пребывания в Чикаго Веблен печатается в «Джорнэл оф политикл экономи», одном из тринадцати периодических изданий, открывшихся при университете. Веблен не входил в профессорско-преподавательский штат университета, а числился сотрудником для чтения лекций по экономике, на должности, которая была третьей от конца в тринадцатиступенчатом табеле о рангах в Чикагском университете. Вскоре на его плечи была переложена вся работа по редактированию «Джорнэл оф политикл экономи».

Одновременно он переводит с немецкого для серии «Экономические исследования» работы по финансовой науке. Блестящее знание Вебленом немецкого языка вызывало удивление однокурсников еще в годы его учебы в Йельском университете.

В 1895 г., когда Веблену минуло уже 39 лет, его финансовые дела немного поправляются. Он начинает работать над книгой «Теория праздного класса». Веблен пишет своему другу мисс Харди в ноябре 1895 г., что первой книгой в списке запланированных работ стоит «Теория праздного класса» и он начинает «понемногу за нее браться»: «Отвожу для нее час-другой в день, приходится несколько пренебрегать для этого занятиями... По мере продвижения или, вернее, при попытке продвинуться все больше оказываюсь окруженным неслыханными экономическими доктринами, мною выдумываемыми, имеющими более или менее отдаленное отношение к главной теме; поэтому написав, что составит в отредактированном виде страниц, наверное, 50 или 60, я еще не дошел до рассмотрения доктрины демонстративного расточительства, которая, конечно же, должна составить, по существу, ядро этой работы».

Чикагская действительность того времени, картина резкого контраста трущоб и дворцов, давала обильную пищу для работы над этой книгой. Летом 1896 г. Веблен побывал в Европе, где также собирал материал для готовящейся книги. В течение двух последующих лет он углубленно изучает Маркса, Дарвина, Спенсера; помимо статей в редактируемом журнале, печатается также в «Куотерли джорнэл оф экономи» и в социологическом журнале. Но главное внимание он уделяет «Теории праздного класса», неоднократно переписывая целые главы. Книга выходит в свет в феврале 1899 г.

К десятилетию Чикагского университета Веблен и Лафлин в юбилейной публикации изложили свои теории современного кредита и его роли в предпринимательстве. Центральный тезис работы Веблена состоял в следующем: «Кредит нужен только современному конкурирующему бизнесу, но никак не современному производству». Эта работа почти без изменений вошла впоследствии в книгу Веблена «Теория делового предпринимательства», которая вышла летом 1904 г. Как раз в это время Веблен среди прочих курсов читал в Чикагском университете курс по организации делового предпринимательства. Он публикует статью «Первые опыты в организации трестов», где утверждает, что корпорации в пиратстве и торговле рабами являются предшественниками современных трестов.

Книгой «Теория делового предпринимательства» как бы заканчивается цикл развития вопросов, изложенных в ряде его статей и в книге «Теория праздного класса»: истоки частной собственности, противоречие между производством и бизнесом, паразитическое потребление праздных классов, преимущества машинной техники. Однако «Теория делового предпринимательства» не вызвала такого интереса, как его первая книга, «Теория праздного класса». Некоторые отзывы были резко отрицательными. Так, обозреватель журнала «Нэйшн» писал, что «Теория делового предпринимательства» приложима «лишь к некоторым, пользующимся печальной славой аспектам современной финансовой деятельности; она несостоятельна в ее предположении, что эти аспекты характерны для современного предпринимательства... Веблен не видит нормальных, здоровых сторон производства».

Вместе с тем популярность Веблена росла. Его биограф Дорфман пишет, что известность автора двух крупных книг, «Теории праздного класса» и «Теории делового предпринимательства», распространялась на гораздо более широкие круги, чем «элита

экономистов и социологов», Студенты, которым он читал лекции, шептались в коридоре: «Вон идет доктор Веблен, который знает двадцать шесть языков».

В этот период Веблен ведет не только большую научную, но и педагогическую работу. По словам Дорфмана, Веблены жили просто, на 400–600 долл. в год. Лишь в 1903 г. заработок Веблена поднялся до тысячи долларов в год. Лекции занимали четыре дня в неделю. Жил Веблен рядом с университетом, вставал в девять утра, в десять начинались лекции, а после обеда его можно было видеть в факультетской библиотеке. Писать он начинал не раньше восьми вечера, а заканчивал часа в два ночи. В его комнате всего только и было что стол с лампой, несколько простых стульев да коробки вдоль стен, заменявшие книжные полки. По свидетельству студентов, читаемые Вебленом курсы носили всеобъемлющий характер, охватывали очень широкий круг проблем из самых различных областей. Самый известный курс его лекций — «Экономические факторы в цивилизации».

С августа 1906 г. Веблен назначается адъюнкт-профессором в Стэнфордском университете. За период с 1906 по 1910 г. он пишет ряд статей преимущественно по экономическим вопросам. В их числе «Социалистическая экономика Карла Маркса и его последователей», «Место науки в современной цивилизации», «Экономика профессора Кларка», «Эволюция научной точки зрения», «О природе капитала» и др. В Стэнфордском университете Веблен не пользуется популярностью у студентов, на его лекции ходят единицы, поэтому повышение до «полного» профессора для него нереально. Живет он в небольшом доме за городом, из окон видны горы и океан; катается верхом; занимается сельским хозяйством. Он дружит с семьей рабочих, дом которых — штаб-квартира радикалов и социалистов. К этому же периоду относится и увлечение марксизмом, которое длилось довольно долго, хотя марксистом Веблен так и не стал. В 1907 г. свою вступительную лекцию по курсу «Экономические факторы в цивилизации» Веблен полностью посвятил «Коммунистическому манифесту» К. Маркса и Ф. Энгельса и материалистическому истолкованию истории К. Марксом. Именно в это время ясно выкристаллизовывается его идея дихотомии, противопоставления производства и предпринимательства, «индустрии и бизнеса» — одна из главных идей Веблена.

В декабре 1909 г., четвертого года его работы в Стэнфордском университете, Веблен подает заявление об уходе. Преподавательская деятельность, бывшая для Веблена основным источником существования, на деле не слишком его привлекала, в частности, в силу того, что была сопряжена с административной работой, которой Веблен всячески стремился избежать. У Веблена появилась идея организации большой археологической экспедиции, которая дала бы новый фактический материал для его теоретических изысканий. О предполагаемой экспедиции он пишет докладную записку в Вашингтон с приложением сметы в 16–20 тыс. долл. Археологи заинтересовались его идеей, но в Вашингтоне необходимых денежных средств не нашлось, и экспедиция сорвалась.

В течение следующих семи лет, с конца 1910 по 1917 г., Веблен читает лекции в Университете штата Миссури (г. Колумбия). «Школа коммерции», как называлось отделение университета, готовила бизнесменов, преподавателей экономики и государственных служащих. Веблен читал четыре курса: «Финансы корпораций», «Тресты и их комбинации», «Экономические факторы» и «История экономики». Веблен был против экзаменов, игнорировал их и выставлял всем студентам «удовлетворительно». По воспоминаниям его слушателей, он обладал прекрасной памятью на факты, никогда не пользовался никакими записями — даже когда оглашал рекомендуемую литературу, диапазон которой был необъятно широк и включал экономику, географию, антропологию,

этнографию, философию, биологию. Он цитировал наизусть латинские строфы, ошеломлял студентов неожиданными фактами. Когда кто-то из студентов спросил Веблена, является ли приведенный факт научным, он, просияв, с расстановкой произнес: «Я ничего не знаю о фактах другого рода».

В 1910 г. Веблен начал работать над книгой «Инстинкт-мастерства и уровень развития технологии производства», которая вышла в свет в 1914 г. Этой книгой завершился цикл, начатый в 1898 г. статьей «Инстинкт мастерства и изнурительность труда». Развитие тезисов этой статьи в фундаментальное исследование началось в 1900 г., когда Веблен совершил поездку по рудникам Рокфеллера и писал потом в одном из писем о своем намерении написать книгу «Инстинкт мастерства». В том же, 1914 г. Веблен женился на Анне Брэдли, матери двух дочерей (развод с первой его женой произошел в конце 1911 г.). Двум приемным дочерям Веблен и посвятил книгу «Инстинкт мастерства», которой он сам придавал большое значение.

Летом 1914 г., перед самым началом первой мировой войны, Веблен едет в Норвегию, после чего продолжает работу над уже начатой новой книгой, «Империалистическая Германия и промышленный переворот». Ряд положений готовившейся книги он излагал студентам в начале очередного курса «Экономические факторы», и студенты говорили, что «пахнет новой книгой». Писал он ее необычайно быстро, в 1915 г. книга была опубликована. Сразу же после нее Веблен начинает работу над следующей. Это был особенно продуктивный период творчества для Веблена. Он последовательно завершал одну за другой разработки тем, поднятых в «Теории праздного класса». Объединяет все эти темы одна мысль: господство частного капитала пагубно для экономики и — в неизменной связи с современным производством — для всех сфер общественной жизни.

Книга «Высшее образование в Америке» имела в рукописи такой подзаголовок: «Исследование полного бесправия». После обсуждения рукописи при участии президента Университета штата Миссури Веблен пришел к выводу, что ввиду нелицеприятного упоминания сильных мира сего, правящих американскими университетами, книгу можно печатать только после смерти ее автора. Однако книга все же вышла при жизни Веблена, в 1918 г., — в слегка смягченной редакции, с добавлением нового материала и подзаголовком, который гласил: «Меморандум о том, как бизнесмены управляют университетами».

Весьма актуальную тему поднимает Веблен в следующей книге, «Исследование характера мира и условий его поддержания». Он был так заинтересован в ее издании, что уплатил издателям 700 долл., чтобы книга смогла увидеть свет. В предисловии он говорит об Иммануиле Канте, написавшем в свое время работу «О значении мира». Поиски прочного мира сегодня, пишет Веблен, являются не менее первостепенным и подлинным долгом человека, чем они были во времена Канта. Центральный тезис книги — «либо бизнес должен исчезнуть — и тогда воцарится мир, либо бизнес будет сохранен ценой войн и обеспечения права частной собственности силой оружия». Книга вышла весной 1917 г.

Заслуживает упоминания эпизод, который приводит сосед Веблена Шепард. После вступления США в войну собирались средства в пользу «Ассоциации молодых христиан». Веблен отказался сделать пожертвование и заявил, что «Ассоциация» — «буржуазное, капиталистическое агентство, выступающее в защиту существующего порядка».

В октябре 1917 г. Веблен ездил в Вашингтон и в надежде, что он может быть полезен при разработке мероприятий, направленных на установление мира, добился встречи с

военным министром правительства Вильсона, а также с Верховным судьей США. Однако он встретил холодный прием. Хотя визит в Вашингтон и разочаровал Веблена, он продолжал работать над проблемами мира. Веблен вынашивал идею создания международной организации и предлагал назвать ее «Лигой мирных народов». В правительственную комиссию Хауса, деятельность которой была связана с вопросами заключения мира, Веблен направил меморандум «Предложения, касающиеся рабочей программы исследования условия перспективного мира». Характерно, что в меморандуме Веблен подчеркивал необходимость выбора: либо благоприятствовать обогащению монополий, что будет угрожать установлению длительного мира, либо поддерживать мир ценой ущемления appetites монополистического капитала страны.

Вторая крупная международная проблема, которая занимала Веблена в связи с идеей создания «Лиги мирных народов», — это проблема ограждения отсталых стран, и прежде всего колоний, от хищнической эксплуатации со стороны монополий. Веблен пишет второй меморандум — «Очерк политики контроля над экономическим проникновением в отсталые страны и иностранными инвестициями». В этом меморандуме Веблен предлагает организовать контроль над вывозом капитала. В ранее предложенную им лигу должны были войти развитые капиталистические страны, «отвечающие демократическим требованиям», и прежде всего Франция, Великобритания, США. Важной функцией лиги, по мысли Веблена, было сохранение ресурсов отсталых стран, предотвращение их расточительства. Для этого он предлагал, чтобы доступ частных предпринимателей и капиталистических монополий к национальным ресурсам колоний и других отсталых стран осуществлялся только на условиях аренды и на короткие сроки. Веблен считал, что в лигу не должны приниматься страны, «приверженные архаической системе-мошенничества в торговле». На такие страны лига должна была влиять посредством экономических мер: повышения налогообложения на экспорт или даже эмбарго на внешнюю торговлю.

Важной вехой в биографии Веблена явился 1918 г., когда он подготовил и сделал перед Национальным институтом общественных наук доклад «Об общих принципах политики реконструкции». Смысл реконструкции, по мысли Веблена, заключался в том, чтобы превратить Америку в страну благополучия для простых людей. Он считал, что происходящие в России события (Октябрьская революция) подтверждают необходимость преодолеть растущее несоответствие между правами частного капитала и условиями жизни простых людей. Здесь же он говорит, что по мере роста мощи промышленности надобность в «капитане индустрии» в лице капиталиста отпадает и его нужно отстранить от господства.

В начале 1918 г. Веблен, не получив пост ведущего экономиста в комиссии Хауса, берет отпуск в Университете Миссури для работы в Продовольственном управлении в Нью-Йорке, где он проводит около пяти месяцев. Его функции ограничивались преимущественно статистической обработкой полученных материалов, и он все больше убеждался, что для реализации его грандиозных планов по реконструкции экономики страны работа в Продовольственном управлении ничего не даст.

Незадолго до своего ухода из управления Веблен ездил в командировку по стране. Она была вызвана жалобами фермеров на недостаток средств и рабочей силы — многие молодые мужчины были на фронте. В командировке Веблен тяжело заболел, прервал поездку и вскоре, оставив государственную службу в Продовольственном управлении, вернулся в университет. Он печатает серию статей о положении дел на американских фермах и приходит к следующему выводу: «...причиной, почему война не кончена с победой для демократии, является то, что американский народ не решается потревожить

частный капитал и сделать неограниченным использование всех ресурсов, включая рабочую силу».

Осенью 1918 года Веблен принимает предложение редактировать журнал «Дайэл» в Нью-Йорке. На один год, с октября 1918-го по октябрь 1919-го, «Дайэл» с его редакционной рубрикой «О программе реконструкции» становится трибуной Вебленовых идей. Первые из этих статей уже в 1919 г. вышли в форме книги «Крупные предприниматели и уровень развития технологии производства» — название, которое в новой редакции (1920) звучало как «Крупные предприниматели и простой человек». Субсидии журналу скоро прекратились, и «Дайэл» переключился на более рентабельный литературный журнал...

В октябре 1919 г. открылась «Новая школа социальных исследований», дававшая Веблену в начале ее существования самые многообещающие возможности для работы. Как декларировалось в проспекте школы, ее целью было «стремление к непредвзятому пониманию существующего порядка, а также тех обстоятельств, которые приводят к необходимости его пересмотра». Уровень преподавания был рассчитан на аспирантов, хотя никакой степени или диплома для поступления не требовалось. Штат преподавателей возглавляла «большая четверка»: Чарлз Бирд, Джеймс Робинсон, Весли Митчелл и Торстейн Веблен.

Веблен читал в школе свой знаменитый курс «Экономические факторы в цивилизации», а для избранных десяти человек — «Специальные исследования по экономическим факторам в цивилизации». Школа помещалась в простом красивом здании в саду в Чесли. Веблен жил в доме рядом со школой вместе с тремя другими преподавателями. По их свидетельству, они заботились о нем как о «капитале нации».

Коллега Веблена по работе в школе, Гарольд Ласки, писал, что до уровня бесед Веблен подпустил его только на вторую неделю знакомства, и беседы эти были интересны: «Он говорил тоном оракула, полушутя, высказывая суждения необыкновенные и саркастические о людях и о вещах. Я помню, в частности, его восхищение К. Марксом»

С начала преподавания в школе Веблен усиленно работает над проектом создания «совета технических специалистов». Совместно с двумя другими преподавателями школы, Леоном Ардзруни и Гвидо Марксом, Веблен готовит своеобразный курс по специальным функциям инженеров. Это был период его большого увлечения проблемой роли технократии в будущем общественном устройстве.

Через год после начала работы в школе Веблен почувствовал себя больным, утомленным лекциями. Студенты в начале учебного года заполняли его аудиторию до отказа, но их ряды значительно поредели к концу. Чтобы оправдать высокую заработную плату, нужно было поддерживать аудиторию в 70 человек, что было трудно, учитывая тихий голос Веблена. В это тяжелое для него время умирает его вторая жена.

Летом 1920 г. Веблен отдыхает в Калифорнии, после чего напряженно работает над книгой «Абсентеистская собственность и деловое предпринимательство в недавнее время. Американский вариант». Как и предшествующие его книги, она включала ряд статей, предварительно опубликованных в журналах. В этих статьях усиливается критика финансистов и банкиров, их, по признанию Веблена, паразитической деятельности. Он считает, что кредит является «одним из обветшалых институтов, который путем преобразования должен выйти из употребления... Наверно, и банкир отживет свой век».

В 1921 г. в свет вышла книга «Инженеры и система ценностей», включившая в себя статьи, напечатанные ранее в журнале «Дайэл». Это — вторая по значимости книга после

«Теории праздного класса». В ней Веблен формулирует одну из своих центральных идей — идею грядущего господства в обществе технических специалистов, свой прогноз о будущем капиталистического общества. Доказывая необходимость устранения от управления производством представителей финансового капитала, он находит естественным заменить их техническими специалистами. Ради прибыли «капитаны финансов» умышленно дезорганизуют производственный процесс, что приводит к увеличению безработицы, к отсталости производства и его неправильной организации. Игнорирование финансовыми магнатами насущных потребностей производства и преследование личных интересов фактически способствует созданию хаоса. Веблен считает, что вопросы производственной политики разумно оставить на усмотрение тех, «которыми не управляет коммерческая предвзятость». Веблен считает, что необходимо создать компактную организацию, задачей которой являлось бы устранение производственного хаоса, расточительства, отсталости, которые несет бизнес. Автор рецензии на его книгу Макс Истманн писал в «Либерейтор»: «Будь Веблен инженером-консультантом его сатанинского величества, он бы и тогда не смог с более трезвой и мастерской точностью указать на больные места современной социальной и экономической системы».

Однако тот же Макс Истманн, всегда восхищавшийся Вебленом, справедливо отмечает, что предлагаемый Вебленом «совет технических специалистов» можно считать абстракцией, интересной в качестве умственного упражнения, но не разрешающей проблемы «определения и организации движущей силы, достаточной для изменения самого хода истории».

В июне 1922 г. Веблен публикует в журнале «Фримен» свою самую резкую статью в отношении существующего строя. В ней он говорит, что после первой мировой войны и победы революции в России беспрецедентный размах приобрела борьба американского капитализма с прогрессивными силами внутри страны и за ее пределами. Веблен подводит читателя к выводу о том, что капитализм отныне обречен на манию преследования, вечный страх за свое существование. Вся страна напоминает психиатрическую клинику, говорит автор, и это — надолго.

В том же, 1922 г. в школе произошли резкие перемены. Источники финансирования иссякли, и школа лишилась материальной, поддержки. Трое профессоров из «большой четверки» ушли в другие университеты. Веблен, чувствуя себя крайне уставшим, оставался на прежнем месте. Он мечтал о серьезном научном обосновании роли инженеров в обществе; по его подсчетам, нужно было примерно 40 тыс. долл. для проведения необходимой исследовательской работы. Но денег у него не было, а те, кто смог бы его финансировать, отнюдь не были заинтересованы в такого рода работе.

В 1923 г. выходит в свет его последняя книга, «Абсентеистская собственность и деловое предпринимательство в новое время». В очередной раз Веблен читает свой курс «Экономические факторы в цивилизации» весной 1923 г., и на этом заканчивается его преподавательская деятельность. Последней прижизненной публикацией была статья «Экономическая наука в обозримом будущем» (1925). Физические силы Веблена иссякали, и новых работ он уже не писал. Однако он сохранил пристальный интерес к событиям в мире и особенно напряженно следил за ходом Всеобщей британской забастовки 1927 г. Веблен ожидал, что эта забастовка приведет к необратимым изменениям, и был крайне разочарован ее крахом. По его словам, он потерял веру в «возможность установления нового строя мирным путем».

В субботу 3 августа 1929 г. Веблена не стало. Как пишет Дж. Дорфман, за полгода до смерти Веблен сказал своей соседке миссис Р. Фишер: «Естественно, все время будет развиваться что-то новое, но пока я не вижу лучшего курса, чем тот, что предлагается коммунистами»

В найденных после смерти Веблена бумагах было высказано пожелание: «...чтобы в случае моей смерти мое тело было сожжено как можно более дешевым и целесообразным способом без обрядов и церемоний какого бы то ни было рода; чтобы мой прах был брошен в море или в какую-нибудь достаточно большую реку, впадающую в море...» Прах Веблена был развеян над Тихим океаном.

* * *

Предлагаемая читателю книга Торстейна Веблена «Теория праздного класса», как уже было сказано, является его первой монографией. Автор был тогда еще неизвестным преподавателем Чикагского университета. Подготавливалась и вышла книга в конце XIX столетия, когда, по словам В. И. Ленина, Америка становилась «...одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой».

Вступление США в период империализма ознаменовалось образованием мощной финансовой олигархии, для которой было характерно чудовищное по своим масштабам расточительство денежных средств на неслыханную роскошь. На ранней стадии развития капитализма, когда размеры производства были сравнительно небольшими и норма прибавочной стоимости была относительно невелика, капиталисты-предприниматели в США, как и в европейских странах, для осуществления накопления капитала ограничивали размеры своего потребления. Характерно, что вплоть до последней трети прошлого века среди американских предпринимателей получило распространение квакерство — религиозное течение, главным требованием которого были бережливость, скромный жизненный уклад, воздержание. В период же монополистического капитализма в условиях концентрации производства, огромных размеров капиталов, находящихся в распоряжении финансовой олигархии, присвоения монопольно высокой прибыли и широкого развития кредита создалась полная возможность для крупной буржуазии обеспечить высокую норму производственного накопления и при расточительном потреблении. Расточительство становится общепринятым для представителей финансовой олигархии и как важное средство доказательства платежеспособности данного капиталиста, как условие получения большого кредита. На фоне этих явлений и была написана книга о демонстративном расточительстве господствующих классов. Картину фантастического расточительства усугублял паразитизм крупной буржуазии. Она все больше утрачивала функцию непосредственного управления производством. Рос слой рантие, капитал-собственность отделялся от капитала-функции. Именно расточительство и паразитизм праздных классов — главный идейный стержень книги Веблена, ее основа и лейтмотив.

Актуальность тематики, резкое осуждение праздных классов вызвали большой интерес к книге Веблена. Прогрессивная научная общественность США встретила книгу восторженно. Но оценки «Теории праздного класса» носили резко противоположный характер в разных идеологических лагерях. Так, член Социалистической партии США Роберт Ривес писал, что «Теория праздного класса» — это серьезный вклад в развитие общественной мысли. «В этой знаменующей эпоху книге Веблен, революционный иконоборец, разносит все условности буржуазного общества... Социалист не может не

выражать удовольствия, не ликовать, понимая, что эта бомба изготовлена служащим Рокфеллера в Чикагском университете». Профессор экономики Пристонского университета Уинтроп Даниэлз писал в журнале «Атлэнтнк мансли» в рецензии на книгу «Теория праздного класса»: «Веблен обладает сверхъестественной способностью проникновения в сущность патологических сторон буржуазного общества и предпринимательства, безжалостно ступая по язвам, которые вскрывает скальпель его критики». Прогрессивный профессор-социолог Л. Уорд назвал «Теорию праздного класса» одной из самых блистательных книг, изданных в стране. Одновременно появились и резко отрицательные рецензии. Так, журнал «Нейшн» в своем обозрении писал, что «Теория праздного класса» — это пародия на экономику, несправедливая клевета на нравственные принципы предпринимательства.

«Теория праздного класса» принесла Веблену шумную популярность. По словам Дорфмана, в течение всего нескольких месяцев после выхода книги статьи Веблена оказались везде, в журналах «Нейшн», «Даниэлз», «Нью рипаблик», газеты сообщали о каждом слове, слетавшем с его губ. «Его читали все, кто претендовал на право называться интеллектуалом. Вебленизм сиял во всем блеске». В первое десятилетие после опубликования «Теория праздного класса» переиздавалась четыре раза. Известный американский экономист Стюарт Чейз, автор книги «Трагедия расточительства», писал, что «Теория праздного класса» вошла в классику социально-экономической литературы и, вероятно, останется самой популярной из книг Веблена.

«Теория праздного класса» включает 14 глав. Основные положения книги изложены в первых восьми главах, а в остальных шести они раскрываются на примерах экономики, религии, образа жизни, нравственных ценностей, системы высшего образования, спорта. Часть глав посвящена истории возникновения праздных классов, усиления их господства, генезису их демонстративного расточительного потребления. В этом нашел свое выражение характерный для Веблена конкретно-исторический подход к анализу социальных и экономических явлений. Но по существу, даже эти главы, как и вся книга, обращены к современной Веблену эпохе — началу империализма, когда, по определению В. И. Ленина, капитализм становится паразитическим, загнивающим, умирающим.

Требование исторического подхода в экономической науке явилось одним из важнейших положений Веблена (он возвращался к этой идее почти в каждой своей работе). Веблен писал, что экономическая наука должна быть «...исследованием живой истории материальной цивилизации». По его мнению, необходимо было осуществить изучение различных экономических и общественных институтов в их развитии, от момента их возникновения и до современности. Представляется бесспорным, что Веблен в определенной мере сумел реализовать исторический подход в своих работах. Он много занимался историей человеческого общества, анализировал возникновение частной собственности, классов, государства, стремился обнаружить в прошлом истоки тех противоречий, которые, по его мнению, демонстрировал современный ему капитализм. Хорошо известно, что классики марксизма-ленинизма считали принцип историзма неотъемлемым свойством экономической науки. Еще в своей рецензии на книгу А. Богданова В. И. Ленин всячески подчеркивал основные достоинства исторического изложения. Последовательное проведение идеи развития, изменения явилось сильной стороной теории Веблена.

Одновременно концепция развития Веблена имела серьезные недостатки. Он указывал, что в процессе развития возникают противоречия между институтами и внешней

средой. По его словам: «Институты — это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» (с. 1202). По мысли Веблена, несоответствие между уже сложившимися институтами и изменившимися условиями, внешней средой и делает необходимым изменение существующих институтов, смену устаревших институтов новыми. При этом пресловутое изменение институтов происходит якобы в соответствии с законом естественного отбора. Веблен писал: «Жизнь человека в обществе точно так же, как жизнь других видов, — это борьба за существование, а следовательно, это процесс отбора и приспособления. Эволюция общественного устройства явилась процессом естественного отбора социальных институтов. Продолжающееся развитие институтов человеческого общества и природы человека, как и достигнутый в этом плане прогресс, можно в общих чертах свести к естественному отбору наиболее приспособленного образа мысли и процессу вынужденного приспособления индивидов к окружению, постепенно изменяющемуся с развитием общества и социальных институтов, в условиях которых протекает человеческая жизнь» (с. 200). Таким образом, в трактовке Веблена общественно-экономическое развитие («эволюция социального устройства») предстает как реализация процесса «естественного отбора» разнообразных институтов.

С одной стороны, отдельные положения Веблена в какой-то мере соответствуют реальной действительности. Так, Веблен правильно указывал на существование противоречия между старым и новым в общественном развитии, признавал временный характер различных институтов. Но с другой — рассмотренное Вебленом противоречие (между институтами и внешней средой, старым и новым) чересчур общее, поэтому схема развития предстает достаточно туманной... Обе стороны отмеченного Вебленом противоречия определены нечетко и слабо связаны с процессом общественного производства. Как известно, истинным движущим противоречием общественно-экономического развития является противоречие между производительными силами и производственными отношениями; развитие этого внутреннего противоречия и лежит в основе истории человеческого общества.

В определенной степени в своем анализе механизма развития Веблен абсолютизирует закон естественного отбора, открытый Ч. Дарвином применительно к биологическим видам. Он допускает произвольное (в форме далеко не очевидных аналогий) перенесение этого закона в область социально-экономических явлений. Такое непосредственное перенесение является ошибочным: «эволюция социальной структуры» — это социальный процесс, закономерности которого не могут быть сведены к биологическим закономерностям. По словам В. И. Ленина, «...перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть *фразы*».

Вместе с тем следует отметить, что для Веблена отождествление биологических и общественных закономерностей ни в коем случае не явилось средством апологии капитализма. Как известно, закон естественного отбора широко применялся в разнообразных вариантах социального дарвинизма. Представители этого течения использовали тезис о необходимости борьбы за существование для обоснования нищеты, классового неравенства, капиталистической конкурентной борьбы и т. д. как явлений вечных и внеисторических. Социальный дарвинизм явился откровенно апологетическим направлением, которое оправдывало существующее положение вещей. Между тем Веблен выступил с осуждением современного ему строя, с критикой многих буржуазных институтов.

Анализируя процесс возникновения праздного класса, Веблен выделял две стадии в истории человеческого общества: миролюбивую стадию и хищническую. Для первой характерны малые первобытные группы людей, обыкновенно они миролюбивы и ведут преимущественно оседлый образ жизни, они бедны, индивидуальная собственность не является в них преобладающей чертой системы экономических отношений. По мнению Веблена, на этой стадии агрессия отсутствует и люди заняты какой-то формой мирной производственной деятельности: «На ранней стадии социального развития, когда общество обыкновенно еще ведет мирный и, возможно, оседлый образ жизни, а система индивидуальной собственности еще не развита, наиболее полное проявление способностей отдельного человека может происходить главным образом в занятиях, направленных на поддержание жизни группы» (с. 68). Веблен считает, что соперничество между людьми, которому он придает решающее значение в возникновении частной собственности и праздного класса, на этой стадии развито относительно слабо и не выходит из сферы миролюбивых занятий: «Какую бы форму ни принимало экономическое соперничество между членами такой группы, оно будет касаться главным образом полезности членов общности в трудовой деятельности. В то же время побуждение к соперничеству не велико, а сфера его проявления ограничена» (с. 68).

С распространением массовой охоты и войн, по мнению Веблена, происходит переход от миролюбивой стадии к стадии хищничества. Это перестраивает всю систему существующих побуждений к действию, моральных ценностей и приоритетов. Прежде всего, «сама возможность соперничества значительно увеличивается. Действия мужчин все более приобретают характер доблестной деятельности, а вызывающее зависть сравнение одного охотника или воина с другим становится все более простым и привычным» (с. 68–69). Полученная добыча и трофеи начинают восприниматься как доказательство превосходящей силы их обладателя. На смену «миролюбивым» формам самовыражения приходит борьба; результаты успешной борьбы начинают высоко ценить в обществе. К таким результатам относятся «полезные предметы или люди, полученные захватом или грабежом». Наступает эра, когда агрессия становится почетной; она превращается в «общепринятую форму боевых действий», а добыча служит доказательством успешной агрессии. Все, что связано с захватом, одобряется обществом, в то время как «получение материальных предметов способами, отличными от захвата, начинает считаться недостойным высокого звания человека». Отсюда и возникает «вызывающее зависть различие между доблестной деятельностью и приобретением посредством захвата, с одной стороны, и производственной занятостью — с другой. Труд приобретает характер нудного занятия в силу пренебрежительного отношения к нему» (с. 69). Так в трактовке Веблена происходит отделение «доблестной» деятельности от деятельности производственной. Это отделение он изобразит в дальнейшем как определяющее для эволюции общественной структуры.

Веблен признает, что деление на стадии «хищническую» и «миролюбивую» в значительной степени условно уже потому, что сражения, видимо, существовали на всех этапах развития общества. Но он связывает наступление стадии хищничества с тем моментом, когда «воинствующее расположение духа становится привычным», когда «хищнический духовный настрой становится для членов группы общепринятым духовным настроением», который приходит на смену миролюбию. «Существенное различие между миролюбивой и хищнической фазами развития культуры является, следовательно... различием в сознании» (с. 71). Так резюмирует Веблен свой анализ и приходит к

важнейшему для него выводу — о существовании в истории человечества двух резко отличных стадий, приведших к формированию двух противоположных типов обычаев, привычек, образов жизни.

В «Теории праздного класса» и других работах Веблен развивает свою историко-экономическую концепцию. Он выделял в истории ряд периодов: «ранней и поздней дикости», «воинственного» и «полумирного» варварства и, наконец, «цивилизацию». В основных чертах такое дробление истории общества — различие дикости, варварства и цивилизации — совпадает с периодизацией, предложенной в работе Л. Моргана «Древнее общество»^[8]. Как известно, эту периодизацию обобщил Ф. Энгельс, который писал о ней: «Пока же мы можем обобщить моргановскую периодизацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация — период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства».

Веблен показывает, что «варварство» — противоположность «ранней дикости» — основывалось на эксплуатации и враждебном разделении между военной и жреческой кастами, которые поглощали созданный прибавочный продукт, и низшими слоями населения, создающими его. В период варварства, по мнению Веблена, и зарождаются те «социальные привычки», которые легли в основу «стяжательского» типа экономического поведения, характерного для представителей праздного класса. Этот тип Веблен противопоставляет «производительному» типу, характерному для низших классов, в основе которого лежат «социальные привычки, типичные для периода ранней дикости». Важно отметить, что сходными «социальными привычками» Веблен наделяет в период капитализма представителей праздного класса, с одной стороны, и представителей инженерно-технической интеллигенции — с другой.

Таким образом, Веблен рисует два противоположных типа общественного устройства и соответственно два исторически противоположных типа экономического поведения. Отчетливо видно, что в историко-экономической концепции Веблена гипертрофируется роль психологических факторов. Развитие общества, социально-экономические изменения предстают в трактовке Веблена в конечном счете как результат конфликта «типов социальных привычек». Для Веблена центральными являются конфликты между противоположными побуждениями и привычками; противоречия в системе производственных отношений — действительный источник развития общества — он не рассматривает. В этом наглядно проявился зачастую характерный для Веблена идеализм. Элементы общественной психологии («способ мышления») оказывали, по Веблену, решающее и непосредственное влияние на развитие общества. Идея определяющей роли обычаев, привычек проходит через всю «Теорию праздного класса», выступая основой историко-экономической концепции Веблена. В свою очередь эта историко-экономическая концепция важна для понимания и оценки той критики, которой Веблен подверг современное ему капиталистическое общество. Его критика буржуазных экономических институтов тесно связана с концепцией противоположных типов экономической деятельности и обычаев мышления — «мирного типа» и «хищнического

тина». Противоположность этих типов Веблен прослеживает до современного ему капитализма.

По времени возникновения праздного класса Веблен относит к периоду перехода к хищническому укладу: «Свидетельства, предоставляемые обычаями и чертами культуры общностей, находящихся на низкой ступени развития, указывают, что институт праздного класса появляется постепенно во время перехода от первобытного Дикарства к варварству, или, точнее, во время перехода от миролюбивого к последовательно воинственному укладу жизни» (с. 61–62). Самый институт праздных классов, по Веблену, есть результат «разграничения» видов деятельности: «Институт праздного класса развивается из возникшего ранее разграничения видов деятельности, согласно которому одни виды почетны, а другие — нет» (с. 62). Именно из этого различия и возникает расслоение общества на «праздный» и «работающий» классы.

Веблен далее выделяет те условия, которые, по его мнению, необходимы для образования праздного класса: «Условиями, очевидно необходимыми для его появления, являются: (1) у общности должен быть хищнический уклад жизни (война или охота на крупную дичь или и то и другое), т. е. мужчины, составляющие в этих случаях зарождающийся праздный класс, должны усвоить привычку причинять ущерб силой и хитростью; (2) средства для поддержания жизни должны доставаться на достаточно легких условиях, с тем чтобы можно было освободить значительную часть общества от постоянного участия в труде по заведенному распорядку» (с. 62). Под вторым условием, выдвинутым Вебленом, следует, видимо, понимать возможность создания прибавочного продукта как экономической базы деления общества на классы.

Появление праздного класса Веблен связывает с возникновением частной собственности: «В процессе эволюции культуры возникновение праздного класса совпадает с зарождением собственности. Это непременно так, ибо эти два института являются результатом действия одних и тех же экономических сил» (с. 73). Он рассматривает различные стадии в становлении института частной собственности: «начальную стадию собственности», связанную с «приобретением путем захвата и обращения в свою пользу», и следующую ступень — «организацию производства, зарождающуюся на основе частной собственности», когда «трофеи хищнических набегов как общепринятый показатель успеха и превосходства в силе... все более заменяются накапливаемой собственностью» (с. 77).

Проблеме частной собственности Веблен уделяет в «Теории праздного класса», как и в ряде других своих работ, большое внимание. Он справедливо связывал с возникновением частной собственности деление общества на праздные и работающие слои, неизбежный антагонизм между ними. Но его концепция возникновения частной собственности, как и вся его историко-экономическая концепция, носит идеалистический характер.

Экономические институты представляются Веблену воплощением определенных привычек поведения, обычаев. Он постоянно стремился изучать экономическое явление как конкретный обычай, который, установившись некогда, обладает затем инерцией и авторитетом. Поведение людей, его побудительные мотивы, закрепляясь в виде институтов, определяют в дальнейшем экономические отношения и все социально-экономическое развитие общества. Эта позиция Веблена проявилась и в анализе возникновения важнейшего экономического института — частной собственности. «Где бы ни обнаруживался институт частной собственности, пусть даже в слаборазвитой форме, там

процесс экономического развития носил характер борьбы за обладание имуществом» (с. 74–75). Что же лежит в основе этой борьбы, стремления к накоплению разных благ? Веблен связывает возникновение частной собственности со склонностью к соперничеству, к конкуренции, присущей человеку. «Мотив, лежащий в основе собственности, — соперничество; этот же мотив соперничества, на базе которого возникает институт собственности, остается действенным в дальнейшем развитии этого института и в эволюции всех тех черт социальной структуры, к которым собственность имеет отношение» (с. 75–76).

В концепции Веблена собственность первоначально возникла как трофей, результат набега на другое племя или род. Собственность была знаком победы над врагом, отличала обладателя трофея от его менее удачливого соседа. С развитием культуры собственность приобретает в основном не военными, а мирными методами. Но она по-прежнему служит доказательством успеха, высокого положения в обществе. По словам Веблена, собственность оказывается «наиболее легко различимым доказательством успеха и традиционной основой уважения».

Поскольку богатство становится почетным, приносит почет владельцу имущества, постольку приобретение дополнительного имущества, увеличение собственности становится необходимым для получения одобрения со стороны общества и прочного положения в нем. В трактовке Веблена на определенном этапе развития общества достижение некоего «престижного денежного уровня», т. е. некоторого условного стандарта богатства, является таким же необходимым, как доблесть, как подвиг прежде. Превышение данного денежного уровня оказывается особенно почетным, и наоборот, те члены общества, которые не обладают необходимой собственностью, получают отрицательную оценку своих собратьев и страдают от этого. Веблен указывает, что «денежный уровень жизни» не остается неизменным: с развитием общества он возрастает.

В процессе оценки собственности различных ее обладателей, как и в других ситуациях, люди, по мнению Веблена, прибегают к «завистническому сравнению». Если это «завистническое сравнение» неблагоприятно для индивида, то личность будет испытывать хроническую неудовлетворенность и постоянно стремиться к достижению престижного «денежного уровня жизни», принятого в данном обществе или в данном слое. В случае же достижения этого уровня неудовлетворенность сменяется стремлением превзойти его и тем самым превзойти остальных. Таким образом, «завистническое сравнение» служит источником стремления к практически неограниченному увеличению собственности.

Веблен полагает, что желание увеличить богатство, превзойти остальных едва ли может быть насыщено в каждом конкретном случае. Это обстоятельство, по мнению Веблена, доказывает ошибочность утверждения, что основной целью накопления является потребление. Он предпринимает попытку критики данного утверждения, распространенного в буржуазной литературе. «Если бы, как иногда полагают, стимулом к накоплению была нужда в средствах существования или в материальных благах, тогда совокупные экономические потребности общества понятным образом могли быть удовлетворены при каком-то уровне развития производственной эффективности, но, поскольку борьба по сути является погоней за престижностью на основании завистнического сопоставления, никакое приближение к определенному уровню потребления невозможно» (с. 80).

Веблен считает, что денежный уровень жизни также обусловлен привычкой к денежному соперничеству и что «среди мотивов, которыми руководствуются люди при накоплении богатства, первенство и по размаху, и по силе остается за этим мотивом денежного соперничества» (с. 82). Одну из глав книги автор так и называет — «Денежное соперничество».

Присущее Веблену стремление к психологизации в трактовке экономических явлений при анализе возникновения и развития частной собственности сказывается особенно отчетливо. Во главу угла он ставит соперничество как якобы коренное свойство человеческой природы и игнорирует вопрос, почему появление частной собственности было неизбежно экономически. Следовательно, Веблен ограничивает рассмотрение причин возникновения частной собственности в основном психологическими мотивами. Он прямо говорит, что частная собственность «основывается на завистническом сопоставлении». Для него переход от общинной к частной собственности не был обусловлен объективной необходимостью смены устаревших производственных отношений, ставших тормозом развития производительных сил, новыми производственными отношениями, способствующими их росту. Между тем стремление завоевать положение в обществе, перегнуть других за счет накопления различных благ, бесспорно, существовало, но оно явилось не причиной, а следствием появления новой формы собственности, способствующей развитию производительных сил.

Ф. Энгельс в своем анализе распада родового строя также отмечает те мотивы и побуждения, которые сопровождали возникновение и развитие частной собственности: «Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются восприимчивыми новыми, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели» Но Ф. Энгельс указывал, что эти мотивы и интересы были обусловлены объективной необходимостью замены устаревшей формы собственности (общинной) и объективной возможностью появления частной собственности в результате разделения труда и роста его производительности, что позволило обществу создавать прибавочный продукт.

Веблен прослеживает, как с развитием общества обладатели собственности оказываются привилегированной группой, которая становится во главе общественной иерархии. Он констатирует, что представители этой группы не участвуют в полезном труде, в создании материальных ценностей; они получают продукцию общественного производства лишь как собственники средств производства, благодаря «факту собственности». Поэтому Веблен и называет данную общественную группу выразительным термином «праздный класс».

Помимо праздности, Веблен отмечает еще одну важную особенность, характерную для представителей господствующего класса: чрезмерные, не обусловленные человеческими потребностями размеры потребления. Такое потребление было возможно потому, что представители праздного класса благодаря собственности присваивали себе большую часть созданного обществом продукта. Веблен указывает, что потребление праздного класса вступает в противоречие с интересами общества в целом; для характеристики такого потребления он вводит термин «расточительное потребление».

Веблен подробно анализирует и подвергает критике идеологию и психологию представителей праздного класса. Он считает, что, поскольку владение собственностью,

праздность и расточительное потребление стали атрибутами именно господствующего класса и только его, (другие члены общества вынуждены были работать и ограничивать свое потребление), постольку они заняли главное место в системе ценностей «праздного класса», сделались почетными. Владение большей собственностью означало более высокий престиж, более высокое положение в обществе, поэтому представители класса собственников стремились демонстрировать свое богатство; праздный образ жизни и «демонстративное потребление», по мнению Веблена, есть важнейшие свойства «праздного класса».

Веблен анализирует историю развития праздности; он показывает, как постепенно вырабатываются правила, «навыки праздности»: «Благовоспитанное поведение и высокородный образ жизни — это следование нормам демонстративной праздности и демонстративного потребления». Он утверждает, что стремление к праздности порождает и кодекс приличий, и правила поведения. По мнению Веблена, весь образ жизни высших слоев подчинен постоянной демонстрации праздности, причем эта демонстрация становится даже обременительной. «В условиях подчинения требованию демонстративного потребления атрибуты человеческой жизни — такие, как жилище, обстановка, экзотические безделушки, гардероб, питание, — стали столь сложными и обременительными, что потребители не могут должным образом справиться с ними без посторонней помощи» (с. 106).

Веблен дает меткую характеристику системе ценностей буржуазного общества: «Основа, на которой в конечном счете покоится хорошая репутация... денежная сила. И средствами демонстрации денежной силы, а тем самым и средствами приобретения или сохранения доброго имени являются праздность и демонстративное материальное потребление» (с. 120). Он утверждает, что расходы на демонстративное потребление становятся более важными, чем расходы на необходимое. Веблен постоянно подчеркивает свою отрицательную оценку демонстративной праздности и демонстративного потребления как расточения материальных благ и сил людей. Он полагает, что демонстративное потребление поглощает растущую эффективность производства, ликвидирует ее результаты.

На протяжении всей книги Веблен неоднократно возвращается к одной из главных идей «Теории праздного класса»: возникновение и укрепление института собственности, растущая власть денег привели к образованию «денежной цивилизации», развитие человеческого общества пошло по ложному пути. Несостоятельность «денежной цивилизации» двояка. Во-первых, она заключается в бесполезности для общества класса собственников денежного богатства, не участвующих в создании материальных ценностей. Во-вторых, она проявляется в бесполезном расточении материальных благ во имя не действительных, а ложных потребностей, обусловленных ложным пониманием престижа, в результате чего это потребление приняло характер демонстративного потребления, направленного на демонстрацию богатства людей, их «денежной силы».

В гл. IV, «Демонстративное потребление», и в последующих главах «Теории праздного класса» автор изобличает все ложные каноны жизни, которые зародились с появлением праздного класса, умножились и упрочились в процессе его эволюции и получили свое полное выражение при жизни современного Веблену поколения — при империализме. Веблен прослеживает историю возникновения власти вещей над людьми, отмечает ее усиление по мере развития буржуазной цивилизации. Его ирония высвечивает порожденные властью денег ложное понимание престижа в обществе, потребление

напоказ, жизнь напоказ. Он подчеркивает, что в отличие от сословного общества, где принадлежность к высшим кругам является наследственной, в буржуазном обществе власть денег размывает границу между разными слоями общества, не исключает перехода из одного слоя в другой, так как различие уже только имущественное. В силу этого в буржуазном обществе «благопристойное потребление» становится общим требованием для всех его членов. «В современном цивилизованном обществе пограничная линия между его слоями становится размытой и подвижной, и в любом обществе, где имеет место такая картина, норма почтенности, устанавливаемая высшими классами, распространяет свое влияние сверху вниз на всю структуру общества, до самых низких слоев. В результате в качестве своего идеала благопристойности представители каждого слоя принимают образ жизни, вошедший в моду в следующем соседнем, вышестоящем слое, и устремляют свои усилия на то, чтобы не отстать от этого идеала» (с. 120).

Веблен выступает с явным осуждением расточительства в потреблении; он — за рациональное потребление, которое удовлетворяло бы действительные потребности людей, а не потребности мнимые, искусственные, придуманные для демонстрации расточения и безделья. На примере одежды Веблен показывает, что по мере роста богатства и власти денег резко ускоряется стремление к смене стилей в одежде; одежда выступает как элемент демонстративного расточительства. Одно из его ярких порождений — явление моды, постоянной сменяемости стилей — тяжким бременем ложится на общественное производство, требуя его приспособления к этой непрерывной гонке. По мере роста богатства одежда быстрее «морально устаревает» и должна заменяться другой, более престижной, что приводит к расточению созданных материальных благ. Анализируя психологический механизм моды, Веблен приходит к выводу о нелепости существующей ситуации; его откровенная критика обращена непосредственно к современному ему капитализму: «... чем дальше стоит общество, особенно богатые классы общества, по росту богатства и подвижности, а также по диапазону социальных контактов, тем более властно будет утверждаться закон демонстративного расточения в вопросах одежды, тем сильнее будет тенденция канона денежной благопристойности подчинять себе чувство красоты или завладевать им, тем скорее будут смещаться и изменяться моды, и тем нелепее и нестерпимее будут меняющиеся стили, входящие в моду один вслед за другим» (с. 192).

Веблен как бы отстранение и с удивлением смотрит на чуждую ему систему буржуазных канонов, которая была создана праздными классами и получила свое полное выражение в эпоху империализма. И прежде всего это относится к идеологии потребительства, мещанства. Преклонение перед вещами, стремление выделиться из толпы за счет демонстрации вещей, погоня за нелепыми причудами моды предстают в освещении Веблена как атавизм, мишура, которая только мешает человеку, поскольку уничтожает лучшие его задатки.

Как известно, для капитализма характерен товарный и денежный фетишизм. По существу, Веблен дает иллюстрацию того, как в сознании людей возникает и формируется фетишизм вещей, который впоследствии принимает форму товарного фетишизма — явления, открытого и научно обоснованного К. Марксом.

Вместе с тем, как и при исследовании Вебленом проблемы собственности, его анализ власти вещей и денег в буржуазном обществе характеризуется психологизацией экономических явлений и хотя и точным, впечатляющим, но поверхностным их описанием. Веблен не сумел выявить корней многих изучаемых им процессов в капиталистическом обществе, а в ряде случаев свел их лишь к проявлению присущих человеку инстинктов.

Такой инстинкт, как «предрасположенность людей к соперничеству», кладется им в основу демонстративного расточительства; более того, на склонности к соперничеству фактически оказываются выстроены все институты «денежной цивилизации».

Объявляя открытый им «закон демонстративного расточительства» «фундаментальным», «великим» законом денежной цивилизации, Веблен гипертрофирует роль потребления. Не производство, а потребление выступает у него решающим фактором развития общества. Напомним, что у В. И. Ленина сформулированный им закон возвышения потребностей органически связан с развитием производства и обусловлен им. Оно порождает, во-первых, рост потребностей в средствах производства, и, во-вторых, в результате развития производства на основе технического прогресса создаются многочисленные новые виды продукции, которых ранее не было, и возникает потребность в них. Эту органическую связь производства и потребления при определяющей роли производства Веблен игнорирует.

Гипертрофия роли «демонстративного расточительства» сказывается и при анализе Вебленом ряда экономических явлений и категорий. Так, методы конкурентной борьбы между состоятельными людьми он сводит прежде всего к «демонстративному потреблению», оставляя в стороне борьбу буржуазии в процессе производства и присвоения прибавочной стоимости.

Со всей очевидностью проявляется свойственное Веблену игнорирование производственных отношений, преувеличение роли потребления и психологических факторов при рассмотрении товара и его свойств. В концепции Веблена потребительная стоимость товара характеризуется двумя видами «утилитарности»: во-первых, «функциональной утилитарностью», т. е. удовлетворением необходимых потребностей (в пище, одежде, жилище и проч.), и, во-вторых, способностью приносить покупателю товара соответствующий почет, признание — «дополнительная утилитарность». Однако этой дополнительной утилитарности Веблен придает решающее значение. Он *пишет* о критериях оценки полезности товаров: «Привычка искать в товарах признаки избыточной дороговизны и требовать, чтобы во всех товарах была видна какая-то дополнительная, выгодная для завистнического сравнения утилитарность, приводит к изменению в критериях, по которым выводится общая оценка полезности товаров. В оценке товаров потребителем то, что доставляет почет, и то, что является грубо функциональным, не существует отдельно друг от друга, оба эти компонента составляют неразрывную в своей совокупности полезность товаров» (с. 175). По Веблену, целевое назначение производства товаров одинаково при всех способах производства и связано лишь с потенциальной ценностью товара для потребителя, с его потребительной стоимостью. Здесь он игнорирует второе свойство товара — стоимость, которая в капиталистическом обществе приобретает доминирующее значение, поскольку целью производства товаров становится получение прибавочной стоимости, присваиваемой капиталистами в результате реализации товара как стоимости.

С позиции универсального «закона демонстративного расточительства» Веблен рассматривает товары, созданные в результате процесса машинного производства или ручного труда. Все симпатии Веблена на стороне машинного производства. Он утверждает, что товары, созданные машиной, содержат меньше дефектов и вообще лучше могут удовлетворять рациональные потребности покупателей. Но в силу действия «закона демонстративного расточительства» потребители зачастую выбирают именно продукты ручного труда. «Ручной труд — более расточительный способ производства;

следовательно, получаемые этим способом товары надежнее служат цели приобретения денежной репутации; следовательно, следы ручного труда оказываются престижными, и товары, в которых такие следы налицо, становятся сортом выше, чем соответственный продукт машинного производства» (с. 177). Отсюда вытекает зачастую неприятие для праздного класса товаров, созданных машиной, — в силу их «заурядности», доступности в денежном отношении для многих людей. Потребление такого товара «не доставляет почета, так как оно не служит цели благоприятного завистнического сравнения себя с другими потребителями» (с. 178).

На многих страницах своей книги Веблен образно рисует губительные последствия праздности и паразитизма собственников денежного богатства для развития производства и культуры, для этических норм поведения людей в условиях «денежной цивилизации». Веблен вводит в свою книгу своеобразный термин «подставная праздность» (*vicarious leisure*), которым характеризует функциональное назначение многочисленного слоя людей, обслуживающих праздный класс. Развитие выполняемых ими функций — это развитие функции прислуги, первоначально домашней прислуги. Они так или иначе, прямо или опосредованно — через религию, филантропическую деятельность, систему образования, спорт и др. — обслуживают собственников денежного богатства.

Веблен справедливо подчеркивает, что представление о ложной престижности праздности, ее демонстрация даже там, где нет достаточных средств для действительно праздного образа жизни, сохраняет свою силу и для семей со средним достатком, в которых глава семьи работает, но стремится обеспечить праздную жизнь жене, с тем чтобы она занималась оформлением жилища, его эстетикой, собою — все ради поддержания благопристойности семейства, «денежной репутации»: «...подставная праздность и потребление, воспроизводимые женой, а также вспомогательное представление праздности посредством слуг остаются в моде как условность, пренебречь которой не позволят требования репутации» (с. 118). При этом Веблен отмечает, что представители «подставного праздного класса», женщины в частности, начинают испытывать отвращение к статусу своей бесполезности для общества и протестовать, требуя включения их в общественно полезную деятельность и производственный процесс.

По мнению Веблена, идеология культа праздности, которую сеют господствующие классы, нужна им для оправдания собственной праздности. Яркий пример тому, как «подставная праздность» не служит на благо самого человека, а превращается в работу по восстановлению лица имущего, — сфера религии. «Соблюдение обрядов благочестия» — таким термином обозначает Веблен эту сферу. «...Священнослужители, приближенные божеству, не должны участвовать в производительном труде... никакое занятие, которое приносит ощутимую пользу людям, не должно выполняться в присутствии божества... в праздники, отводимые для восславления божества или для причастия, никакая работа, полезная обществу, не должна выполняться никем» (с. 151). Боги — идеальный праздный класс. Однако образ жизни этого «сверхъестественного праздного класса» — точная копия образа жизни сильных мира сего. Соблюдение обрядов благочестия ведет, по словам Веблена, к расхождению эгоистических интересов праздного класса с интересами жизнедеятельности всего человеческого общества.

Пагубное влияние праздного класса распространяется на спорт. В буржуазном обществе «футбол имеет такое же отношение к подлинной физической культуре, как бой быков к сельскому хозяйству». Специальную главу, названную «Вера в удачу», Веблен отводит такому неотъемлемому атрибуту праздности, как азартные игры. Но и здесь

предпочтение отдается автором «Теории праздного класса» психологическим факторам. Он рассматривает пристрастие к азартным играм как проявление «веры в удачу», свойственной людям на всех ступенях эволюции общества.

Наконец, «демонстративную праздность» Веблен анализирует на примере современного ему высшего образования в буржуазном обществе. Этой важной теме автор посвящает пространную заключительную главу книги — «Высшее образование как выражение денежной культуры». Высшее образование — это тоже одна из обширных сфер деятельности, подчиненная законам праздного образа жизни. Большим почетом в системе буржуазного высшего образования пользуется, например, классическая филология, древние языки. Классическое образование — залог и свидетельство освобожденности от производства, так как, чтобы его получить, нужно потратить недоступное неимущим людям количество времени и расточительных, а потому и почетных усилий. Веблен с горечью пишет, что люди, которые старались расширить горизонты человеческого знания, в современных буржуазных университетах «находили отнюдь не сердечный прием, их нехотя терпели».

Важный прогрессивный тезис Веблена состоит в том, что по отношению к материальному производству праздный класс оказывается не только лишним, но и вредным: «Отношение праздного... класса к экономическому процессу является денежным отношением — отношением стяжательства, а не производства, эксплуатации, а не полезности» (с. 216).

Резкая критика бесполезных обществу функций праздного класса — одна из любимых тем Веблена; она присутствует не только в «Теории праздного класса», но и во всех его работах (в «Теории делового предпринимательства», «Абсентеистской собственности» и др.). В освещении Веблена, паразитический образ жизни господствующего класса всегда тяжким бременем ложится на общественное производство и тормозит его развитие. Это наиболее отчетливо обнаруживается в период империализма, о чем свидетельствует отделение собственников от производства и контроля за ним, непомерное развитие различных бесполезных финансовых институтов, факты замораживания производства в корыстных целях, намеренного торможения технического прогресса. Веблен говорит, что крупной финансовой буржуазии особенно характерны потребительские навыки, идущие в разрез с интересами материального производства, — расточительное потребление, служащее целям соперничества и престижа, по вредящее производству.

С большой силой убеждения Веблен показывает, что праздный класс, и особенно современная буржуазия, не только паразитический, но и консервативный класс, который выступает против перемен в производстве и в общественной жизни. Привилегированное положение праздного класса определяет его консервативность, которая превратилась в показатель престижа. Но Веблен здесь использует свою ошибочную концепцию инстинктов и утверждает, что сопротивление переменам в системе развития общества является «инстинктивным». Отсюда он делает весьма неожиданный вывод, что низшие классы столь же консервативны, как и высшие: «Люди нищенски бедные и те, чьи силы поглощает повседневная борьба за пропитание, консервативны потому, что не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне» (с. 212). Веблен пренебрегает тем обстоятельством, что именно нищенская бедность людей и создает ту ситуацию, при которой, по словам К. Маркса, людям уже «нечего терять, кроме своих цепей», и они идут на активное сопротивление с целью перестройки ставшей невыносимой жизни. Практика, этот лучший

критерий истины, показала, что все социальные революции — революции рабов, крестьянские войны, буржуазные революции и пролетарские революции — совершаются тогда, когда жизнь угнетенных масс становится невыносимо тяжелой, и совершаются именно теми людьми, которые находятся внизу, ближе к «нижнему пределу» социальной шкалы. Эти люди, как показывает исторический опыт, идут на все, вплоть до гибели, чтобы совершить революцию. Несостоятельный тезис Веблена о консерватизме «низших слоев» важен для его прогноза о будущем, поскольку, именно основываясь на идее о «консервативности низов», он пытается найти другие общественные группы, которые будто бы призваны стать «революционными носителями нового». В «Теории праздного класса» прогноз о будущем человеческого общества еще не прозвучал, но Веблен уже подводит читателя к нему. Уже в этой книге звучат ноты явного одобрения машинного производства и тех, кто, по его мнению, в наибольшей мере обладает прогрессивным человеческим инстинктом — «инстинктом мастерства». Именно в «Теории праздного класса» заложена основа технократической концепции, подхваченной многими институционалистами и развитой Дж. Гэлбрейтом, Р. Хейлбронером и другими представителями неоинституционализма.

Язык Веблена — это язык исследователя, а не беллетриста. У него тяжелая манера письма, к ней нужно привыкнуть. Но тот, кто привыкнет, будет безусловно вознагражден, так как почувствует глубокую иронию, которой пронизана вся книга. Веблен применяет сильнейшее оружие, данное писателю, — смех. По существу, он жестоко высмеял и идеологию, и образ жизни господствующих классов. Читателя может озадачить широта проблем, затронутых автором в книге. Но такова специфика работ институционалистов, декларирующих междисциплинарный подход и стремящихся к слишком широкому охвату изображаемых явлений. К сожалению, при этом рассматриваются многие второстепенные аспекты, специфика собственно экономического анализа в значительной мере теряется. Многие моменты в анализе «праздного класса» следует расценить как достоинства теории Веблена. Он ярко описал паразитизм «праздного класса», глубоко изучил идеологию этой общественной группы. Подчеркивая консерватизм и паразитизм господствующих классов в период империализма, Веблен выступил как прогрессивный ученый своего времени. Критический подход Веблена, его широкий кругозор, знание истории человеческого общества и обеспечили его книге «Теория праздного класса» заслуженное признание.

Серьезное достоинство книги Веблена состоит в том, что она содержит явное и недвусмысленное осуждение мира капитала, крупного бизнеса. Веблен произносит знаменательные слова: «Обычай мира бизнеса сложились под направляющим и избирательным действием законов хищничества или паразитизма» (с. 216). По его мнению, постепенно «участие самого денежного класса становится излишним» (с. 217). Характеризуя капиталистические экономические институты, Веблен прямо утверждает, что «современной экономической ситуации эти финансовые институты никак не соответствуют, ибо они сложились в экономических условиях прошлого...» (с. 216).

Но что же придет на смену существующим институтам? Позиция Веблена по этому вопросу раскрывается в более поздних его работах, и прежде всего в «Теории делового предпринимательства» и книге «Инженеры и система ценностей».

В работах Веблена уделено особое внимание «современной ему экономической организации», или «новой индустриальной системе». Ее характерные черты — «машинный процесс и инвестиции ради прибыли» Термины «индустрия» и «индустриальная система» Веблен употреблял практически как синонимы, подразумевая под ними материальное

производство, основанное на машинной технике, которой он придавал огромное значение. Веблен правильно отмечал такие последствия внедрения машин в процесс производства, как расширение масштабов производства, углубление общественного разделения труда и др.

Материальной формой современной цивилизации, по Веблену, является индустриальная система, а направляющей силой, которая оживляет эту систему, выступает предпринимательство. Веблен отмечает особенности капиталистического обобществления производства, которое создает необходимость высокой организации труда, и указывает, что капиталисты не обеспечивают такую высокую организацию, усматривая причину этого в том, что интересы бизнеса не совпадают с интересами развития производства. Он констатирует, что непосредственной целью и стимулом деятельности предпринимателя является получение прибыли, а не развитие производства: «Мотив бизнеса — денежная выгода. Его метод — купля-продажа. Цель — накопление богатства».

Поскольку целью предпринимателей, в руках которых находится производство, является исключительно прибыль, постольку возникает противоречие — по терминологии Веблена, «дихотомия» — между интересами развития производства и интересами капиталистов. Веблен показывает, что во многих случаях бизнесмен не заинтересован в расширении и улучшении производства, которым руководит. Разнообразные производственные вопросы рассматриваются бизнесменами только в плане возможности прибыльной реализации на рынке произведенной продукции. Между тем такая возможность может быть достигнута не только путем совершенствования производственного процесса и повышения производительности труда, но и в результате ограничения выпуска товаров и соответственного установления выгодной цены на них. «Капитаны бизнеса», управляющие производством с помощью денежных сделок, не учитывают, какой эффект могут вызвать эти сделки, как это отразится на других предприятиях: «...бизнесмену безразлично, как его операции воздействуют на производство». Веблен приходит к выводу об отделении интересов тех людей, которые управляют, от интересов общества.

Для Веблена характерно противопоставление «индустрии» и «бизнеса», материального производства как такового и системы производства товаров для извлечения прибыли. Подчинение «материальных интересов общества целям извлечения прибыли» Веблен считал важной чертой капитализма. Изучение «дихотомии» сопровождалось у Веблена критикой мотивов и методов капиталистического хозяйствования, обусловленных «бесстыдной жадной наживы правящих классов». Он показал на конкретных примерах, что система капиталистического предпринимательства тормозит развитие общественного производства. Но анализ Вебленом «дихотомии» оказался поверхностным; он предложил психологическую трактовку отмеченного им противоречия. Именно «психологию бизнеса», т. е. непосредственные мотивы и цели капиталистов, их «правила поведения», Веблен считал определяющей в системе капиталистического предпринимательства. Он не дал правильного анализа обнаруженного им противоречия. Отождествляя свою трактовку «дихотомии» с сущностью капитализма, он игнорировал систему эксплуатации труда капиталом на базе капиталистической собственности на средства производства. У него полностью выпадает факт присвоения капиталистами неоплаченного труда рабочих в форме прибавочной стоимости как основное и определяющее содержание капиталистического способа производства. Отношение между антагонистическими классами — буржуазией и пролетариатом — Веблен не исследует, подменяя его

рассмотрением «психологии бизнеса». Между тем «психология бизнеса» — элемент вторичный, производный; она возникла и сформировалась на базе капиталистических отношений собственности. Именно капиталистическая собственность на средства производства, возможность присваивать результаты чужого труда являются основой жажды прибыли как главного мотива деятельности капиталистов. Стремление к извлечению прибыли, которое Веблен считает источником всех пороков капитализма, есть лишь отражение объективно обусловленной цели капиталистического производства — получения и присвоения капиталистами прибавочной стоимости.

По мнению Веблена, с развитием капитализма «дихотомия» производства и бизнеса обостряется. Сфера рыночных отношений, разнообразные спекулятивные операции становятся более выгодными для капиталиста, чем непосредственно предпринимательская деятельность. В результате многие капиталисты отвлекаются от организации производственного процесса и начинают вкладывать часть своих капиталов в различные спекулятивные сделки: «Вместо прежнего капитализма, когда капиталист регулировал некий производственный процесс, пришло оживление перераспределения капитальных вложений в более прибыльные сделки» Веблен отмечает ряд черт монополистического капитализма: образование и рост корпораций, громадные масштабы корпоративной собственности, ликвидацию свободной конкуренции и др. Но главным Веблен считает не концентрацию производства, на базе которой вырастают монополии, а широкое использование кредита и образование «абсентеистской собственности». Термин «абсентеистская» («отсутствующая», «неосязаемая») собственность Веблен применял для обозначения отделения собственности от управления и руководства промышленным производством. Эта собственность представлена капиталистом, который не участвует в управлении своим предприятием, а следовательно, в создании готового продукта, занят разнообразными спекулятивными операциями, не связанными с производством.

По мере широкого распространения корпораций противоречие между индустрией и бизнесом еще более обостряется. Это проявляется прежде всего в том, что финансовая олигархия зачастую получает большую долю своих доходов путем купли-продажи на рынке «титлов собственности», а не за счет роста производства и повышения его эффективности; «корпорация — это всегда предприятие бизнеса; она является средством делать деньги, а не производить товары».

Веблен отмечает факты персональной унии крупной финансовой буржуазии с государственным аппаратом. По его определению, буржуазное государство превратилось в «департамент бизнеса», а крупная буржуазия получает политическое господство, что дает ей доступ к национальным богатствам страны. Погоня за прибылью, осуществляемая корпорациями, приводит к хищническому использованию, к расточению природных богатств, что имеет крайне отрицательные последствия для производства, общественных интересов.

Веблен неоднократно возвращался к вопросу об «отделении собственности от контроля над нею», наиболее наглядно проявившемся в широком распространении системы участия («холдинг-системы»). Он анализирует, как именно крупные финансовые компании, выступая собственниками контрольного пакета акций, подчиняют своему влиянию многие предприятия и более слабые корпорации. Интересы этих «незримых» владельцев предприятий особенно далеки от интересов общества: «материальное производство находится под контролем людей, интерес которых концентрируется на возрастании ценности нематериальных активов»

Таким образом, Веблен занимает позицию осуждения крупного капитала, его господства в экономике и политике. Но пороком анализа Веблена является гипертрофия роли сферы обращения в капиталистической экономике. Источник противоречий он пытается найти в пределах указанной сферы и концентрирует свое внимание на денежных и кредитных отношениях.

Период монополистического капитализма Веблен рассматривал как кульминацию противоречия между «бизнесом» и «индустрией». Прогноз Веблена о будущем капиталистического общества в значительной степени основан на концепции «дихотомии». Он постоянно подчеркивал, что развитие «индустрии» подводит к необходимости преобразований. По существу, Веблен дал подробное описание того, что производственные отношения капитализма тормозят развитие производительных сил, но не сумел вскрыть сущности капитализма, игнорировал капиталистическую эксплуатацию и в результате предложил ошибочный сценарий дальнейшего развития общества. По этому сценарию в будущем установится власть технической интеллигенции — «технократия». Технократическая концепция Веблена — важнейшая часть его теории.

По мнению Веблена, взаимодействие технических, экономических, биологических, психологических и других элементов имеет место всегда, но по мере развития капитализма техника оказывается главным фактором социально-экономического развития. После изобретения и внедрения различных машин крупное машинное производство становится центральным звеном экономической структуры общества, оно навязывает его участникам особый способ мышления. Веблен считал, что работники крупного машинного производства оказываются автоматически заинтересованы в его лучшем функционировании, технической эффективности, что вынуждает их стремиться к ее повышению, и это превращается для них в принцип поведения. Отсюда Веблен делает неправильный вывод, что интересы работников крупного машинного производства совпадают с общественными интересами, лучшее функционирование промышленности приводит к увеличению производства товаров, материальному благосостоянию общества.

Наиболее прогрессивной общественной группой Веблен считал инженерно-техническую интеллигенцию. Он противопоставлял инженеров бизнесменам: по мере развития капитализма «производительные функции» переходят к инженерам, а капиталисты занимаются лишь финансовой деятельностью и не выполняют полезной работы. Одной из причин, вызвавших такой переход, явилось усложнение производственных процессов, технический прогресс: «развитие технологии требовало возросшего объема специальных знаний». Научно-технические знания, которыми обладают инженеры, не только отделяют их от бизнесменов, но и порождают противоречия между ними: «Капитаны финансов, занятые делами бизнеса, далеко ушли от реального производства, они все менее доверяли техническим специалистам, которых не понимали, но без которых не могли обойтись» Главным источником противоречий между инженерами и бизнесменами Веблен считал несоответствие целей и методов, применяемых теми и другими в своей деятельности. Основной целью инженеров является наилучшая работа промышленности, а не прибыль, как для бизнесмена, который становится лишним звеном экономической организации. «Для производства товаров и услуг, необходимых обществу, инженеры не нуждаются во вмешательстве бизнесменов...» Несовместимость принципов и методов финансовой олигархии с интересами развития производства означает, по мнению Веблена, неизбежность создания новой формы экономической организации общества; «на пути производства товаров и услуг стоит бизнес». Веблен постулирует необходимость

поставить материальное производство под полный контроль специалистов-инженеров; он предполагает, что инженерно-техническая интеллигенция в состоянии совершить преобразование общества и стать во главе его. Таков прогноз Веблена о будущем капитализма в США.

Веблен противопоставляет инженерно-техническую интеллигенцию рабочему классу. Хотя пролетариат также занят в промышленном производстве, тем не менее единственным носителем прогресса Веблен ошибочно считал именно «специалистов-экспертов», инженерно-техническую интеллигенцию. Интересы различных слоев пролетариата якобы противоречивы, и это препятствует объединению рабочих на основе общей программы: «Различия интересов сделали все устремления рабочих по существу тщетными...» Напротив, в трактовке Веблена инженерно-техническая интеллигенция обнаруживает значительную степень солидарности; она готова к созданию самостоятельной организации на основе общности интересов. «Инженеры готовы сделать следующий шаг» — подытоживает Веблен.

Как известно, внутри рабочего класса действительно существуют различные отряды и группы. Развитие техники сопровождается усложнением состава рабочего класса в квалификационном отношении, что выражается в значительных различиях в оплате труда рабочих, а следовательно, и в дифференциации их экономических интересов. Но это не означает принципиальной невозможности объединения пролетариата, ибо главным является не то, что разделяет рабочих, а то, что их объединяет, — эксплуатация всех отрядов рабочего класса буржуазией. Веблен же игнорировал самый факт угнетения пролетариата, его эксплуатации буржуазией и соответственно общих интересов и задач всего рабочего класса.

Утверждение Веблена о том, что рабочие якобы не представляют самостоятельной общественной силы и могут лишь поддерживать научно-техническую интеллигенцию, вытекает из его ложной трактовки основного противоречия капитализма. У Веблена главная сфера функционирования противоречия капитализма — область рыночных отношений и управления производством, а не отношения эксплуатации в процессе производства.

В работах Веблена отсутствует социально-экономический подход к буржуазной технической интеллигенции. Верхушка технической интеллигенции по своему социальному положению и экономическим интересам тесно связана с буржуазией, получает крупные доходы, и именно эти конкретные экономические интересы, а не абстрактное «общественное благо» являются основным стимулом ее производственной деятельности. Принципиальная ошибка Веблена — утверждение о существовании единых для всей научно-технической интеллигенции интересов. В этом обнаружилось характерное для Веблена нежелание анализировать явления с социально-классовых позиций. Инженерно-техническая интеллигенция при капитализме чрезвычайно разнородна по своему социально-классовому составу, что опровергает тезис об «общности интересов» интеллигенции.

В сценарии будущего у Веблена предполагается забастовка инженеров, которая должна завершиться установлением «нового порядка». Передача власти инженерно-технической интеллигенции представляется Веблену легко достижимой: вся индустриальная система настолько зависит от деятельности своих лидеров, что «забастовка инженеров» принесет «паралич старого порядка» и заставит предпринимателей отказаться от своих руководящих позиций в производстве, от власти. Веблен настолько переоценивает

значение инженерно-технической интеллигенции, что утверждает, будто достаточно объединения лишь 1% всех инженеров и техников, чтобы «общая революция технических специалистов в промышленности завершилась успехом». Хозяйственную жизнь страны Веблен предлагает подчинить специально созданному «совету технических специалистов». Он рисует утопическую картину общества, которым будет руководить технократия: производство, освобожденное от власти бизнеса, функционирует для удовлетворения потребностей всех членов общества; «совет технических специалистов» осуществляет эффективное использование природных ресурсов, увеличение объема производства. Будут ликвидированы недостатки, вызванные «финансовым саботажем абсентеистских собственников».

Прогноз Веблена о том, что в случае гипотетического переворота вся техническая интеллигенция поддержит его, носит явно утопический характер. Руководящий технический персонал капиталистических предприятий заинтересован в сохранении господства буржуазии, в то время как рядовые инженеры и техники подвергаются эксплуатации со стороны капиталиста. Выдвигая тезис о возможности «революции технологических специалистов» и о необходимости поставить производство под полный контроль этих специалистов, Веблен упускает то важнейшее обстоятельство, что интеллигенция не является самостоятельным классом. Буржуазная интеллигенция не выступает носителем какого-либо способа производства и поэтому не может ни осуществить коренное преобразование, ни стать во главе нового общества.

Совершенно очевидна наивность представлений Веблена о методах реорганизации общества. Гипотеза о том, что буржуазия добровольно уступит свои привилегии и откажется от власти практически без борьбы, не выдерживает никакой критики. Технократический сценарий Веблена следует расценить как социальную утопию. Вероятно, сознавая в какой-то мере противоречивость и утопизм своей программы, Веблен не называл сроки ее претворения в жизнь и переносил ее осуществление в неопределенное будущее.

Независимо от намерений самого Веблена предложенная им программа объективно выступает не только как критика, но и как форма защиты капитализма. Изменения методов управления производством недостаточно для коренного преобразования капиталистического общества. Игнорируя вопрос об эксплуатации наемного труда в условиях капитализма, Веблен не предложил искоренить ее источник — капиталистическую собственность на средства производства во всех ее формах. В этом и нашла свое проявление буржуазно-либеральная сущность теории Веблена. Своеобразие предложенного им варианта защиты капитализма состоит в том, что он применил технологический подход для затушевывания важнейших антагонизмов капиталистического способа производства, для отрицания исторической миссии пролетариата.

Теоретической основой технократического сценария Веблена явился технологический детерминизм: развитие техники представлялось определяющим, детерминирующим все социально-экономическое развитие. В трактовке Веблена техника, ее прогресс непосредственно влияют на надстройку, в частности на общественную психологию. Он полагал, что простая причастность человека к технике, его занятость в машинном производстве автоматически определяют его психологию, заинтересованность в лучшем функционировании индустриальной системы. Это представление Веблена — вполне в духе примитивного техницизма — является глубоко ошибочным. Марксистская теория доказала, что техника влияет на социальную и духовную стороны общественной жизни не прямо, а опосредованно, через экономический базис: «Способ производства

материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»

В силу двойственности позиции Веблена его социальное лицо не может быть определено однозначно. С одной стороны, очевидна антимонополистическая направленность его теории: он выступил с мелкобуржуазной критикой финансовой олигархии. С другой стороны, технологический подход, игнорирование капиталистической эксплуатации, отрицание ведущей роли рабочего класса в преобразовании общества означают затушевывание антагонистических противоречий капитализма, и в этом плане Веблен объективно предстает выразителем классовых интересов всей буржуазии. Дальнейшая эволюция технологического подхода в буржуазной политэкономии подтверждает это положение. По существу, Веблен предложил своеобразную апологетику, которая в наше время широко используется многими буржуазными экономистами.

* * *

«Теория праздного класса» остается самой известной работой Веблена. Почему она представляет интерес для читателя?

Эта книга содержит огромный заряд социального критицизма по отношению к капиталистическому обществу. Термины взрывной силы «демонстративное потребление» и «демонстративное расточение» не оставляют никаких сомнений в позиции Веблена — последовательного ниспровергателя ценностей буржуазной цивилизации. Скальпелем социальной сатиры он вскрывает ее основу — и приглашает читателя в свидетели. «Праздничный класс» в освещении Веблена — это паразитический нарост на общественном организме, который тормозит его развитие. Демонстрация праздности — паразитизма, становится основным занятием целого класса, который превращает праздность в профессию. И каноны «достойной» демонстрации праздного образа жизни пронизывают всю идеологию буржуазного общества, все ее разнообразные сферы — право, религию, семью, систему высшего образования.

Но буржуазия опасна не только своей обременительной для общества праздностью, предостерегает Веблен. Она создает ложную систему ценностей, подчиняет весь строй жизни молочу демонстративного расточения. Именно в демонстративном потреблении, жизни напоказ Веблен видит стержень созданной буржуазией «денежной цивилизации». В рамках этой цивилизации люди не стремятся жить полнее, разумнее, добрее, ярче, нет, они лишь стремятся доказать всем остальным, что у них имеется излишек денег и вещей! — стремятся продемонстрировать этот излишек наиболее наглядным способом. И под флагом всепоглощающего стремления к деньгам и, по существу, совсем не нужным вещам проходит человеческая жизнь, низведенная цивилизацией доллара до уровня бесконечной и бессмысленной погони за денежным фетишем. В этом плане книга Веблена архисовременна: она бьет непосредственно по современной буржуазной культуре, по идеологии общества потребления.

Веблен подчеркивает, и это очень важно, что свои каноны образа жизни буржуазия пытается навязывать всему обществу, всем его слоям. Орудия идеологического воздействия — средства рекламы, массовой информации — принадлежат буржуазии, и буржуазная система ценностей обладает высокой проникающей способностью. Представители средних и низших слоев втягиваются в изнурительную гонку за «престижным» уровнем потребления: самый ритм капитализма в принудительной форме навязывает «маленькому человеку» свой стереотип существования — «денежный стереотип». Этот стереотип полностью подчинен принципу демонстративного потребления, он определяет буржуазные

каноны, в соответствии с которыми вехи на жизненном пути — это всего лишь вехи в потреблении все новых и новых товаров. Такой стереотип существования предстает в освещении Веблена как убогий и бессмысленный. «Теория праздного класса» содержит не только объективное осуждение современной Веблену «цивилизации бизнеса» и созданной этой цивилизацией шкалы ценностей, ориентирующей людей лишь на потребление, но и представление об истинной сущности человека, от природы одаренного «инстинктом мастерства» и неодолимой тягой к иным ценностям — знанию и труду. В этом бесспорное достоинство книги Веблена.

Есть еще один аспект, который превращает издание этой книги в дело и важное, и своевременное. Вышедшая за год до начала нашего века и неоднократно переиздававшаяся книга Веблена звучит вполне современно сейчас, через восемьдесят с лишним лет после первого издания. Ненужное и губительное для человечества производство военно-промышленным комплексом средств уничтожения людей ради бизнеса финансовой олигархии достигло астрономических масштабов. Буржуазия хищнически расточает материальные ресурсы Земли, отвлекает их от прямого назначения — удовлетворения насущных и рациональных потребностей людей. Во имя монопольно высокой прибыли крупной буржуазии индустрия нашей маленькой планеты производит мириады вещей, которые представителям вида *homo sapiens* не только никоим образом не нужны, но опасны и губительны для жизни человечества. В то же время людям на Земле остро не хватает хлеба, медикаментов, книг. Миллионы людей умирают каждый год от голода, погибают от болезней, так и не узнав, что такое медицинская помощь. Даже по данным буржуазной статистики, около одного миллиарда людей в капиталистических странах страдают от хронического недоедания, а свыше 700 млн. человек за всю жизнь так ни разу не смогли побывать на приеме у врача. На этом фоне особенно резко выделяются паразитизм и расточительное потребление крупной буржуазии.

Излюбленной мыслью Веблена была мысль о тупике, в который приводит человечество «денежная цивилизация». Веблен не нашел выхода из этого тупика — на базе своих методологических предпосылок он и не мог указать такого выхода. Но он первым среди буржуазных экономистов выступил с беспощадной критикой финансовой олигархии, ее паразитической сущности и идеологии, и актуальность этой критики не теряется перед лицом современности.

«Праздный» — ключевое слово в названии книги. Реалистическая картина всего комплекса фантастических ненужностей, которые влечет за собой праздность, подводит к пониманию главного: перспектива у человека одна — в развитии «инстинкта мастерства», в его естественной реализации в процессе свободного творческого труда. Надо надеяться, что именно это в первую очередь оценит советский читатель.